

магалі ім (П. Галавач). Злучнік *хоць* ... *але(i)* служыць для аб'яднання непрэдыкатыўных або прэдыкатыўных адзінак, паміж якімі выражаюцца ўступальна-супраціўныя адносіны: *Лемяшэвіч хоць не надта разумей, але любіў музыку* (І. Шамякін). *Хоць складанае пастаўлена пытанне, але просты на яго адказ* (П. Глебка). Адзін з кампанентаў гэтага злучніка *хоць* іншы раз ужываецца (пераважна ў гутарковай мове і мове мастацкай літаратуры) у форме *хаця*: *Хаця блізка, але слізка* (Прыказка). *Хаця стаяла вясна, але сонца грэла слаба* (Э. Самуйлёнак). Як відаць, уступальна-супраціўныя адносіны істотна адрозніваюцца ад супраціўна-ўступальных адносін, бо маюць не паратаксічны, а гіпатаксічна-паратаксічны характар. Аднак незалежна ад гэтага некаторыя даследчыкі ўключаюць злучнік *хоць*... *але(i)* у разрад супраціўных, ставячы яго побач са злучнікамі *а, але* і інш.<sup>2</sup>

Такім чынам, злучнік *але* і ўтвораныя з яго дапамогай састаўныя або парныя злучнікі служаць сродкам сувязі розных сінтаксічных адзінак як аднароднага, так і неаднароднага саставу. Аднароднасць саставу забяспечваецца паралелізмам будовы і тэндэнцыяй да нападнення аб'яднаных адзінак антанімічнай ці здольнай для антанімічнага проціпаставлення лексікай. Пры такой будове ўсе значэнні злучніка выяўляюцца выразна, і таму дадатковыя канкрэтызатары, як правіла, не патрабуюцца. Неаднароднасць жа саставу вызначаецца парушэннем паралелізму будовы аб'яднаных адзінак і адсутнасцю антанімічнай лексікі ў іх складзе. У гэтым выпадку значэнні злучніка часта канкрэтызуюцца адпаведнымі дапаможнымі сродкамі, у ролі якіх звычайна ўжываюцца анафарычныя займеннікі, часціцы, паўторы асобных словаформаў і інш. Натуральна, што злучнік *але* аднамясцовы: ён ніколі не паўтараецца і аб'ядноўвае толькі дзве адзінкі аднароднага або неаднароднага саставу, якія складаюць будаўнічы матэрыял для арганізацыі розных канструкцый закрытай расчлянёнай структуры.

<sup>1</sup> Гл.: Грамматика современного русского литературного языка.— М., 1970; Русская грамматика.— М., 1980, т. 2.

<sup>2</sup> Гл.: Современный русский язык / Под ред. Д. Э. Розенталя.— М., 1979, ч. 2; Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Современный русский язык.— М., 1981, ч. 3; Грамматика современного русского литературного языка.— М., 1970; Русская грамматика.— М., 1980, т. 2.

А. Ф. МАНАЕНКОВА

## ПРИНЦИПЫ ОТБОРА СЛОВ В СЛОВАРЬ ВЕТКИ

Русские говоры Белоруссии обнаруживают две исконные основы: южнорусскую и псковскую. Это обуславливает необходимость представить словарный материал данных говоров в двух выпусках. Принципы отбора слов для них если не одинаковы, то достаточно близки. В данной статье речь пойдет о первом выпуске, отражающем лексику говоров Ветки, южнорусских по своему характеру.

При отборе слов в Словарь Ветки мы исходим прежде всего из принципов, изложенных в проекте «Словаря русских народных говоров» Ф. П. Филина. Словарь русских говоров Ветки в значительной части обращен к прошлому, отражая традиционную русскую диалектную лексику. Он включает диалектизмы лексические (*алякуш, кателя, киюшник, выкругливаться* и т. д.) и семантические (*веко 'крышка кваши', верх 'чердак', каток 'колесо в повозке'* и т. д.).

Словарь Ветки имеет свою специфику, обусловленную двумя моментами: во-первых, он не сводный, а региональный; во-вторых, это словарь русских говоров, длительное время находящихся в иноязычном окружении. Названные обстоятельства раздвигают рамки данного словаря в сравнении с Словарем русских народных говоров. На одно такое отличие регионального словаря от сводного указывает Ф. П. Филин. Преду-

преждая смешение диалектного словарного материала с фонетико-грамматическими диалектизмами, ученый замечает, что в сводном диалектном словаре не должны находить отражения единичные лексикализованные фонетические или грамматические явления, которые в других русских говорах выступают как закономерные, например, единичное *опеть* при обычном сохранении ударяемого гласного [а] между мягкими согласными. Но такие диалектизмы «были бы уместны в частных (региональных) областных словарях». Следовательно, данное различие основано на том, что сводный словарь исходит «из совокупности всех говоров русского языка»<sup>1</sup>, а региональный, видимо, должен отразить лексические особенности данных говоров по возможности наиболее полно. Иными словами, единичные случаи лексикализации того или иного фонетического либо грамматического явления в пределах русского национального языка для сводного словаря не представляют особого интереса, а для региональных словарей сохраняют свою значимость. На этом основании следует включить в словарь Ветки, например, слово *мечик* (мячик)<sup>2</sup>. Необходимость этого включения усиливается тем, что в соседних белорусских говорах такое звучание не отмечено. В равной мере это относится к особенностям в месте ударения. Поэтому вполне закономерно наличие в словаре говора д. Деулино Рязанской области словарных статей *возлѣ, глупой, веселѣ* и т. п., что убедительно аргументировано в ряде статей И. А. Осовецкого, включая вводную статью «Как пользоваться словарем»<sup>3</sup>.

Проект «Словаря русских народных говоров» определяет и место лексических заимствований в русских диалектах из соседних восточнославянских языков: «В словарь включаются слова, обычные в украинском и белорусском языках и не свойственные большинству русских диалектов и русскому языку в целом, но употребляющиеся в некоторых русских говорах и, таким образом, являющиеся диалектизмами в лексике русского языка. Определяющим признаком для отбора таких слов является русская основа говора, в котором зафиксировано употребление слова. Ср. *нѣнька* — мать, *небѣга, небѣг* — бедняк, убогий, нищий, калека и т. п. в украинском языке и в некоторых (особенно пограничных) южновеликорусских говорах, *кѣркнуть* — каркнуть, *швургануть* — швырнуть и т. д. в белорусской речи и в смоленских говорах»<sup>4</sup>. Из приведенной цитаты видно, что речь идет о русских материковых говорах. Несомненно, пограничные и островные говоры сходны в своем изменении. Однако это сходство не представляется полным. Жители пограничных с Белоруссией русских селений усваивают те или иные особенности белорусского языка в основном лишь в процессе непосредственного общения. Возмозности такого воздействия на говор островитян значительно шире. Не говоря о том, что тот же фактор, т. е. непосредственное общение с носителями белорусских говоров, здесь проявляет себя более интенсивно, его действие усиливается другими: белорусскими газетами, книгами, радио- и телепередачами. Разумеется, нельзя сбрасывать со счетов определенную изолированность ветковцев на белорусской земле. Но с течением времени она ослабевала, смягчалась. Даже в самые первые годы изучения этих диалектов мы не обнаружили каких-либо воспоминаний о фанатизме предков их носителей. Длительность пребывания в соседстве с белорусами, этническая близость к ним, отхожие промыслы, продолжительность послеоктябрьского периода с коллективизацией, Великой Отечественной войной, послевоенными годами восстановления разрушенного хозяйства, укрупнения колхозов, изменения демографического характера (смешанные браки) — все это способствовало стиранию ряда различий между ветковцами и соседями-белорусами и благоприятствовало определенной белорусизации ветковских говоров. Белорусское влияние в неодинаковой степени затронуло разные уровни ветковских говоров, наиболее интенсивно, естественно, проявилось в их лексике. Но и в пределах словарного состава белорусское воздействие неоднотипно. При господстве проникновения белорусской лексики вместе с семемой (семемами; иног-

да с ущербной семантической структурой языка-источника) имеет место усвоение белорусской семантики общей русско-белорусской лексемой (*водянка* 'бочка для воды', *сѹборь* 'смесь зерна различных культур', *человек* 'муж' и т. д.), словообразовательного облика (*падчерка* 'падчерица', *левшун* 'левша', *перебѹрливый*, *суцѣльный* и т. д.), изменение грамматического рода (*табака*, *дичка*, *требух* и др.), звукового состава (*крутелка*, *крутѣлка* 'крутилка, вертушка в двери', *дѣсна* 'дѣсна' и др.).

Белорусское окружение позволяет по-особому расценивать отдельные явления ветковских говоров. Так, искажения иностранных слов типа *фершал*, *гамазин*, *квасоль* не находят себе места в диалектных русских словарях, поскольку они не связаны «с конкретными говорами или группами говоров, не имеют изоглосс»<sup>2</sup>. Однако произношение последнего слова в белорусском языке (лит. *фасоля*) отличается многообразием, оно картографировано в Диалектологическом атласе белорусского языка, где представлено его 12 вариантов (карта № 44), при этом в говорах Гомельской области при явном преобладании варианта *квасоля* отмечается и *квасоль*. Это вызывает необходимость включить слово в таком виде в словарь.

Белорусские заимствования в ветковских говорах должны получить в словаре наиболее полное отражение. Проникновение белорусских слов в язык Ветки — процесс сложный, происходящий в советское время на фоне мощного воздействия литературного русского языка. Касающиеся белорусских заимствований лингвистические наблюдения ветковцев отличаются не только разнообразием, но и значительной субъективностью, порою — противоречивостью. Тем не менее они в известной мере отражают различную степень освоения лексических единиц соседнего языка. Пассивное знание того или иного белорусского слова может быть начальной стадией вхождения его в русскую речь ветковцев. Ср. такие наблюдения, записанные в Жгунской Буде — деревне со смешанным заселением: «У кáждъй дѣрэвнѣ сваѣ нарѣчѣйъ, свой рѣзгавѹр. Мы гѣварѣм кавѹ, а жгѹньцы — кагѹ; мы нѣзываѣм вядрѹ, а анѣ — цабѣркѣ. Штѹ мѣлако нѣливáть — кушѣн, а у нѣх — гладѣшкѣ; Чапѣльнѣк — штѹ скѣварѹды дѣржáть, жгѹньцы завѹть ѣмѣшнѣк; Пѣ-прѣваслáвнѣмѹ гѹзѣкѣ, а мы, мѣскалѣ, гѣварѣм лѹгаўкѣ». Скорее всего такие комментарии оказываются в материалах в результате прямых вопросов. Но это условие необязательно: свойственное всем людям чувство языка у ветковцев обострено островным положением их русской речи, а в моменты, когда такие высказывания фиксируются, — также нашим пребыванием, характером нашей собирательской работы. Возможно, приведенные в речи ветковцев как белорусские соответствия их русским наименованиям никогда не будут употребляться в их речи, они находятся либо на одном конце длинной прямой, противоположный конец которой занимают такие прочно укрепившиеся, вытеснившие собой русские соответствия, как *хата*, *ганки* (*ганок*, *ганка*), *баркан*, *гестка* и т. п., либо находятся лишь поблизости от этой прямой. Слова типа *гладышка*, *емошник*, *гузик* не включаются в словарь. Но при наличии противоречивых мнений об их положении в говорах Ветки их следует включать.

Островное положение ветковских говоров требует включения в словарь всех употребительных в этих говорах слов, имеющих в белорусском языке, но чуждых литературному русскому языку. Среди них могут оказаться и русские слова, принесенные сюда предками ветковцев из родных мест. Кроме известных русским диалектам лексических единиц (*жѣто* 'рожь', *мост* 'пол', *кут* 'угол', *веко* 'крышка для дежи' и т. п.), здесь имеются и просторечные (*батѣка* 'отец', *матка* 'мать', *задышка* 'одышка' *дурной* 'глупый' и т. д.), которым не должно быть места в дифференциальных диалектных русских словарях. Однако в словарь Ветки они включаются на иных основаниях, чем, скажем, в словарь д. Деулино под ред. И. А. Осовецкого, который пишет о просторечных словах следующее: «Внешним критерием, на основании которого такого рода слова включаются в словарь, является помета *просторечное*, которой данное

слово помечено в толковых словарях литературного языка»<sup>6</sup>. В словаре русских говоров Ветки такие лексемы будут представлять прежде всего белорусские заимствования, и именно этим объясняется их наличие, хотя они могут представлять и элементы русской просторечной лексики. Ввиду невозможности дифференциации они все должны войти в словарь.

Многие белорусские слова в речи ветковцев существуют параллельно с русскими, причем установить степень употребительности тех и других часто бывает довольно трудно. Такие межъязыковые синонимы могут получать семантическую или стилистическую дифференциацию. Включать в словарь заимствованную лексику, оставляя за его пределами зафиксированные в речи ветковцев русские эквиваленты, представляется неправомерным, так как это создало бы ошибочное представление о соотношении в этих говорах русских и белорусских равнозначных слов. Ненамного лучше отмахнуться замечанием, что наряду с представленными в словаре белорусскими словами ветковцы употребляют в своей речи их русские соответствия. Поэтому считаем необходимым отразить в словаре оба члена таких соответствий: *баркан — забор, ёвня — овин, бульба — картошка, ковнерь — воротник* и т. п.

Более сложным является вопрос о включении в словарь Ветки русских слов, общих для литературного русского языка и ветковских говоров, но чуждых белорусскому языку. Составители Словаря русских говоров Польши И. Грек-Пабисова и И. Марынякова в приложении к словарю дают перечень слов, тождественных с русским литературным языком. «Целью такой подачи материала было стремление показать весь зафиксированный лексический состав говора без излишнего увеличения объема работы»<sup>7</sup>. Такого рода список отмеченных в языке Ветки слов по своему объему был бы значительно меньше: в него не было бы нужды включать слова, общие для русского и белорусского литературных языков. Цель такого списка была бы иной, чем в названном польском словаре: это было бы свидетельством сохранности русского словарного состава говоров, устойчивости, сопротивляемости иноязычному влиянию. В таком случае получили бы отражение две противоположные тенденции: стремление говоров остаться в своих пределах и неизбежное белорусское воздействие. В таком индексе дифференциальный принцип нашел бы свое проявление по линии русское — белорусское, хотя он находится в противоречии с дифференциальным принципом русских диалектных словарей. Но поскольку это особая часть словаря, видимо, можно было бы представить ее на основе различительных русско-белорусских лексических единиц. Но на пути такого разграничения стоят препятствия, неизвестные составителям словаря проживающих в Польше русских старообрядцев. Прежде всего: с чем сопоставлять русские слова — с лексикой литературного белорусского языка или с лексикой соседних с Веткой говоров? Несомненно, что действие последних на речь ветковцев начало проявляться со времени появления здесь русских переселенцев, т. е. оно старше и глубже, чем действие литературного белорусского языка, которое стало интенсивным в послеоктябрьский период. В известном отличии белорусских говоров Гомельщины от литературного белорусского языка в сфере лексики легко убедиться даже на примере слов, картографированных в Диалектологическом атласе белорусского языка. Так, в гомельских белорусских говорах употребительны слова *пахаць* (часто в сочетании с *араць*; карта № 265), *кукушка* (иногда — наряду с *язюля*; карта № 309); *свадзьба* (наряду с *вяселле*; карта № 338). В таком случае белорусские диалектные словари Гомельщины — Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны и Дыялектны слоўнік Лоеўшчыны<sup>8</sup> как сопоставительный материал для названной цели утрачивают свою значимость.

Что может дать сопоставление с лексикой белорусского литературного языка? В большинстве случаев на основании показаний двуязычных Белорусско-русского (БРС), Русско-белорусского (РБС) и Толкового словаря белорусского языка (ТСБЯ) достаточно легко назвать различия

тельные русские и белорусские лексические единицы, например: *лапша* — *локшына*; *получать* — *атрымліваць*, *набываць*, *здабываць* и др.; *пшено* — *проса*; *сарай* — *хлеў*, *пуня*, *павець*, *адрына*, *вазоўня*; *скучно* — *нудна*, *сумна*, *маркотна*; *сор* — *смецце* и др. Однако нередко показания двуязычных словарей и Толкового словаря белорусского языка не совпадают (что, впрочем, естественно). Так, например, РБС переводит существительное *дело* белорусскими *справа*, *работа* (в БРС *дзела* не представлено), а в ТСБЯ читаем: *дзела* — «тое, што і *справа*»; прилагательное *дешевый* в РБС переведено белорусским *танны*, а в ТСБЯ приведено *дзяшозы* (в БРС — нет); русск. *девочка* в РБС передано белорусским *дзяўчынка*, а в ТСБЯ *дзевачка* представлено как ласкательное к *дзяўчына*; ср. также в ТСБЯ: *жадаць* — «тое, што і *чакаць*» (РБС; *жадать* — *чакаць*). Кроме того, необходимо учитывать достаточно сильное воздействие на ветковские говоры литературного русского языка.

Все изложенное свидетельствует о нецелесообразности отражения в словаре Ветки слов, свойственных литературному русскому языку, даже в виде списка, не говоря о полновесных словарных статьях. Исключение, как было сказано, составляют лексемы, эквивалентные либо синонимичные словам, вошедшим в ветковские говоры из белорусского языка.

Таким образом, при отборе слов для ветковского словаря необходимо учитывать существование большого лексического родства между белорусским языком и русским просторечием, а также островное положение этих русских говоров. Первое обстоятельство требует включения в словарь зафиксированных в говорах лексических единиц, употребляемых как в белорусском языке, так и в русском просторечии. Можно было бы оставить за пределами словаря Ветки русские просторечные слова, неизвестные языку белорусскому, но отграничение их затруднительно: такие слова могут отсутствовать в белорусском литературном языке и существовать в белорусских говорах, не будучи зафиксированными диалектологами. Второе обстоятельство, приведшее к весьма многочисленным белорусским заимствованиям, часто существующим параллельно с русскими эквивалентами, вызывает необходимость представить в словаре оба (либо более) члена таких пар (рядов), т. е. включить в словарь русские соответствия, не являющиеся диалектными.

<sup>1</sup> Филин Ф. П. Об областном словаре русского языка.— Лексикографический сборник, вып. II.— М., 1957, с. 9—10.

<sup>2</sup> Заметим, что это суффиксальное образование со ссылкой на тульские говоры вошло в Словарь русских народных говоров (вып. 18, с. 145).

<sup>3</sup> См. Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И. А. Оссовецкого.— М., 1969, с. 29.

<sup>4</sup> Филин Ф. П. Проект «Словаря русских народных говоров».— М.— Л., 1961, с. 139—140.

<sup>5</sup> Там же, с. 34.

<sup>6</sup> Словарь современного русского народного говора, с. 10.

<sup>7</sup> Grek-Pabio-wa Iryda, Maryniakowa Irena. Słownik gwary starowieśców mieszkają, cych w Polsce.— Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1980, s. V.

<sup>8</sup> См.: Беларуская мова і мовазнаўства, вып. 3—4.— Мінск, 1975—1976; Беларуская мова, вып. 5—10.— Мінск, 1977—1982; Янкова Т. С. Дыялектны слоўнік Лоеўшчыны.— Мінск, 1982.

В. А. СИДОРЕНКО

## ОТРАЖЕНИЕ МОТИВОВ ТВОРЧЕСТВА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА В ЛЕКСИКЕ ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИИ

В филологии широко применяется метод сравнительного изучения творчества различных авторов, позволяющий определить как сходные черты их художественных методов, так и различия. Задача «продолжения, расширения или восполнения пушкинской поэтической реформы»<sup>1</sup> в русской литературе 30-х годов XIX века нашла разрешение в творчестве М. Ю. Лермонтова. Представляется интересным рассмотреть лексику